

Людвиг Витгенштейн: «О достоверности», вере и религиозных языковых играх

Ludwig Wittgenstein: “On Certainty”, belief and religious language game

Талалаева Е.Ю.

ассистент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
e-mail: kater-ina@mail.ru

Talalaeva E.Yu.

Assistant lecturer of Philosophy and Methodology of Science Department, Derzhavin Tambov State University
e-mail: kater-ina@mail.ru

Пронина Т.С.

д-р филос. наук, доцент, главный научный сотрудник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: tania_pronina@mail.ru

Pronina T.S.

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher, Pushkin Leningrad State University
e-mail: tania_pronina@mail.ru

Аннотация

В данном исследовании проводится анализ критики концепции *знания* Дж.Э. Мура в поздней работе Л. Витгенштейна «О достоверности» и обосновывается положение, согласно которому *вера* заложена в основу картины мира человека. Особый акцент в исследовании ставится на прояснение роли веры в процессе обретения новых знаний и формирования мировоззренческой системы, когда определённые суждения при обучении языковым играм воспринимаются как данное. При этом предложения, описывающие картину мира, выступают в качестве *мифологии*, устанавливающей правила языковых игр. Данная позиция позволяет авторам прийти к выводу, что изначально принимаемые на веру суждения человека, в том числе и религиозные убеждения, являются своеобразным фоном его восприятия мира и, следовательно, не могут сами по себе считаться истинными или ложными. Для религиозной веры не требуется обоснования, а правила религиозных языковых игр регулируются в соответствии с конкретной формой жизни, отображающей практическое понимание религии.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, Дж.Э. Мур, знание, вера, мифология, форма жизни, религиозная языковая игра.

Abstract

This study analyzes L. Wittgenstein's criticism of the J.E. Moore's concept of *knowledge* in “On Certainty”. Base on the late works of Wittgenstein, the paper justifies that *belief* is a foundation of the picture of a one's world. Belief plays a special role in the process of gaining new knowledge and the formation of the worldview system in which certain judgments are taken on faith when learning language games. At the same time, the proposals describing the picture of the world act as mythology that establishes the rules of language games. The authors conclude that the initially accepted beliefs, including religious beliefs, are a kind of background for the perception of the world

and, therefore, they cannot be true or false. Religious believes does not require substantiation, and the rules of religious language games are regulated in accordance with a specific form of life, that reflects a practical understanding of religion.

Keywords: L. Wittgenstein, G.E. Moore, knowledge, belief, mythology, form of life, religious language game.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00123 «Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера: философско-компаративный анализ»

Несмотря на стремление большинства исследователей трактовать суждения Людвиг Витгенштейна с позитивистского ракурса, религиозная составляющая философствования австрийского мыслителя играет существенную роль для целостного понимания его интеллектуального наследия. Особое значение религиозный фактор приобретает в поздних работах Витгенштейна, что наиболее полно раскрывается в его заметках, опубликованных под общим названием «О достоверности» [3]. В начале своих рассуждений Витгенштейн приводит своеобразную критику идей Джорджа Эдварда Мура, преимущественно изложенных в его работе «Доказательство внешнего мира» (1939) [5]. Выражая своё скептическое отношение к субъективному идеализму, Мур опровергает различного рода сомнения в достоверности общепринятых истин, касающихся существования материального мира. К примеру, если человек знает, что у него есть рука, он может показать свою руку и воспроизвести ей определённые жесты, то это является достаточным основанием полагать, что рука действительно существует. Кроме того, не подвергается сомнению и возможность соприкосновения рук человека с различными объектами окружающего мира, будь то стол, на который можно облокотиться руками, или лист бумаги, который можно держать в руках. Существование руки или бумажного листа, в свою очередь, является для Мура достаточным обоснованием подлинности окружающего мира и доказательством наличия в нём «вещей вне нас». Придавая этим суждениям статус прописных истин, философ полагал их приемлемыми для любого здравомыслящего человека. Однако Витгенштейн находит подобную защиту здравого смысла далеко не всегда обоснованной.

Прежде всего, Витгенштейн ставит вопрос об *основаниях* для утверждения, что Мур действительно *знает* о существовании у себя обеих рук [3, с. 334]. Витгенштейн утверждает: «“Я знаю...” говорят тогда, когда готовы привести неоспоримые доказательства» [3, с. 351–352]. При этом для засвидетельствования наличия руки в различных обстоятельствах пришлось бы прибегать к разным способам, так как просто вид руки или возможность на неё взглянуть не является универсальным доказательством. Кроме того, единожды убедившись в существовании своей руки, человек в обычной ситуации вряд ли станет смотреть на неё, чтобы подтвердить своё знание о её наличии. Совсем иначе ситуация выглядела бы, если человек сказал, что *верит* в то, что у него есть рука. В таком случае ему вовсе не обязательно доказывать, откуда он об этом *знает*, такая фраза лишь указывает на то, что он не признаёт какого-либо опровержения своему убеждению. Согласно Витгенштейну, проверка обоснованности фразы «я знаю...» могла бы длиться бесконечно, тогда как верованию присуща безосновательность [3, с. 344]. В рассматриваемом примере об убеждённости человека в наличии у него рук, можно вывести вполне справедливое предположение о том, что человек скорее *верит* в наличие у себя обеих рук *так же*, как бы это делал любой здравомыслящий человек. С этой позиции фраза «я знаю, что у меня есть руки» означает определённую языковую игру, в ходе которой её участники признают действительность данного факта и неуместность возможных сомнений в состоятельности этого утверждения.

Такая позиция во многом согласуется с процессом обучения ребенка значению слов и овладения им различными языковыми играми. В своих рассуждениях Витгенштейн обозначил идею, согласно которой обучение ребенка преимущественно основано на *вере*: те знания, которые он получает принимаются им на веру, не требуя каких-либо доказательств в их не-

опровержимости. В параграфах 310-317 «О достоверности» [3, с. 358–359] философ рассматривает ситуацию взаимодействия ученика и учителя при изучении истории. Если представить ситуацию, в которой ученик отказывается воспринимать слова учителя на веру и постоянно перебивает его, выражая своё сомнение в подлинности определённых исторических фактов, в том числе – что Земля существовала до его рождения, то остаётся лишь констатировать бессмысленность подобных сомнений и невозможность реализовать процесс обучения. Если ученик, не овладев преподаваемым ему материалом, сомневается в достоверности того, чему его учат, то это указывает на его неспособность обучиться данной языковой игре. Мы приходим к выводу, что на данном этапе обучения получаемые ребенком знания могут основываться только на суждениях его учителя, самого следующего определённой языковой игре и вовлекающего в неё ученика. В этом плане Витгенштейн утверждал: «Нечто должно быть преподаано нам как основа» [3, с. 376]. Таким образом, все суждения и факты, знание о которых ребенок приобретает в ходе обучения и участия в различных языковых играх, принимаются им на веру. Эта информация воспринимается им зачастую на интуитивном уровне. К примеру, если ученику говорят, что очертания материков имеют конкретную форму, то он принимает эти суждения на веру. Любые сомнения могут посетить его уже после того, как он в это *поверит*, когда у него появится возможность подтвердить или опровергнуть уже принятые им суждения. Следовательно, все принятые на веру суждения изначально являются несомненными для ученика, он руководствуется этими знаниями в повседневной жизни, даже если не заучивает их целенаправленно. Поэтому фраза «я знаю ...» зачастую может означать: «Я выучил это уже много лет назад» или «Я уверен, что это так» [3, с. 345]. Обучение, основанное на вере, позволяет приобрести ученику целостную систему верований, формирующих его мировоззрение.

Приучаясь верить во множество различных идей и фактов, ребёнок постепенно разделяет их на незыблемые фундаментальные положения и то, что впоследствии подлежит переосмыслению или проверке. При этом выявление подобных «ошибок» или противоречий возможно только в уже сложившейся системе знаний, когда «человек уже должен судить согласно с человечеством» [3, с. 341]. Такие ошибки вполне могут быть запланированы конкретной языковой игрой, что не исключает возможности возникновения фундаментальных противоречий, способных в корне изменить и предопределить иное развитие языковой игры. В своей совокупности верные и ошибочные суждения образуют единую картину мира. В основу этой картины ложатся именно те знания, что были заучены в детстве. При этом грамматические предложения, описывающие такую картину мира, приравниваются Витгенштейном к некой *мифологии* [3, с. 335], в рамках которой предложения не только описывают мир, но и служат правилами игры, которым можно обучиться на практике. Такая возможность предполагает, что человек не стоит перед выбором принятия какой-либо конкретной картины мира, в правильности положений которой он мог предварительно убедиться, скорее картина мира постепенно выстраивается в качестве некоего фона, складывающегося из получаемых с опытом знаний в ходе практических языковых игр. Витгенштейн характеризует такой фон как «унаследованный опыт, отталкиваясь от которого я различаю истинное и ложное» [3, с. 335]. Поэтому нельзя однозначно констатировать, является ли некая картина мира верной или ошибочной, так как она представляет собой основу для выработки различных суждений об окружающем мире и проведения исследований, проверяющих достоверность интересующих нас фактов.

Все предложения, которые в качестве унаследованного опыта описывают нашу картину мира, верны в том смысле, что являются аксиоматической основой наших суждений. Справедливо предположить, что у человека, который с детства принимал на веру истины, отличающиеся или противоречащие нашим, сформировалась бы совершенно иная картина мира. Однако мы не можем назвать такую картину ложной лишь вследствие того, что она не соответствует нашим представлениям о правильности положения вещей в мире. Витгенштейн в качестве иллюстрации подобной ситуации предлагает проанализировать противоречие между мировоззренческими системами представителей примитивного и современного нам обще-

ства [3, с. 397]. Если человек с уровнем развития современного культурного общества преимущественно руководствуется в своих действиях положениями физики и считает их достаточным обоснованием правильности своих поступков и суждений, то представителю «примитивного» общества предпочтительнее было бы посоветоваться с оракулом. Именно сложившаяся традиция принятия и следования доводам оракула превращает некое общество в глазах современного человека в примитивное. Но действительно ли картина мира человека, верящего в оракул, является ложной? Ведь с его точки зрения общепринятые положения физики вступают в противоречие с уже устоявшимися понятиями его мировоззренческой системы. Витгенштейн пишет: «Где действительно сталкиваются два непримиримых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком» [3, с. 397]. Тем не менее, мировоззрение человека не является статичными на протяжении всей его жизни, оно вполне способно трансформироваться под влиянием различных ситуаций. К примеру, в описанном выше противоречии между двумя разными картинами мира возможно раскрытие оснований, на которых строятся убеждения обеих сторон, с их последующим переосмыслением. Вполне вероятно, что миссионер может обратить туземца в свою веру или привить ему собственные представления о мире, вовлекая его в определённую языковую игру и формируя в его сознании принципиально новые убеждения.

Исходя из рассуждений философа об особенностях формирования основ картины мира человека, можно провести определённые параллели с религиозными убеждениями, которые человек также принимает на веру. В этом плане показательным размышлением Витгенштейна о роли сомнения в языковой игре: «Пожелай торговец без всяких на то оснований, просто для уверенности, обследовать каждое яблоко, почему бы ему (затем) не обследовать само это обследование? И можно ли здесь говорить о вере (в смысле религиозной веры, а не предсказания)?» [3, с. 377]. Здесь философ указывает на то, что поиск обоснования верности своих убеждений всегда доходит до определённого предела, за которым он перестаёт иметь смысл. В основе наших знаний, так или иначе, лежит необоснованная вера, которую Витгенштейн соотносит с религиозными суждениями. При этом все факты, принимаемые на веру, истины в контексте определенной системы языковых игр. Даже если они противоречат основным положениям какой-либо другой картины мира, неверно было бы полагать их ошибочными. Следовательно, для такой веры, в отличие от наших обыденных убеждений или научных предположений, неприменим критерий фальсифицируемости. К примеру, Витгенштейн, рассуждая о слове «Бог» и понятии «веры в Бога» утверждал: «Чем бы ни была вера в Бога, она не может быть верой во что-то, что мы можем проверить, или найти метод проверки» [1, с. 57]. Подобно основополагающим положениям здравого смысла, религиозные убеждения остаются непоколебимы, даже когда верующий напрямую сталкивается с, казалось бы, их достоверным опровержением. Витгенштейн утверждает: «Как ни странно это звучит, с исторической точки зрения могла бы быть доказана ложность Евангелий, но вера при этом ничего бы не потеряла, и *не* потому, что дело касается каких-то “всеобщих истин разума”. Дело в другом: историческое доказательство не имеет ничего общего с верой» [2, с. 422]. Таким образом, верующий не отказывается от своих убеждений и, как правило, твердо придерживается собственных принципов вне зависимости от того, как обстоят дела в мире. Именно фундаментальность таких убеждений заложена в основу представлений о религиозной вере.

Для Витгенштейна понимание религии связано, прежде всего, с практикой, а религиозная языковая игра воспринимается как действие. Во многом это обусловлено особенностью восприятия религии самим философом. В то время, когда молодой Витгенштейн находился на фронтах Первой мировой войны, существенное влияние на его религиозные представления оказало знакомство с «Кратким изложением Евангелия и предисловием к нему» Л.Н. Толстого [6]. В отличие от православной традиции, согласно которой опыт является основой для понимания предложений религиозного языка, Витгенштейн, вслед за Толстым акцентирует своё внимание на ключевой значимости практической деятельности. Русский мыслитель подверг резкой критике церковь как социальный институт и в среде русского крестьянства нашёл свой ответ на то, как правильно следует жить в согласии с учением Христа. В

представлениях Толстого, крестьяне своим жизненным укладом продемонстрировали, что в своём повседневном бытии они руководствуются практическими навыками и действиями, а не сложными теоретическими системами. В своём изложении Евангелия Толстой представил Иисуса как обычного человека, предварительно исключив из пересказа его жизненного пути все сверхъестественные события: происхождение и воскресение Христа, а также сотворённые им чудеса. Все эти события были представлены философом как несущественные в повседневной жизни обычного человека, для которого история Иисуса должна была стать близким и понятным примером, проецируемым на собственную личность.

Однако впоследствии Витгенштейн во многом переосмыслил свои ранние убеждения. В частности это касается вопроса о соответствии предложений в контексте определённых языковых игр и окружающей человека действительности. В его поздней прагматической философии «представление “о соответствии действительности” не имеет какого-то ясного применения» [3, с. 349] и отодвигается на второй план как несущественное. Для философа язык больше не является картиной (образом) действительности, в рамках которой неуместно существование какой-либо внеязыковой реальности. Язык становится практикой – деятельностью по прояснению человеческой мысли. Поэтому все суждения, которые подобно религиозным убеждениям являются безосновательными, относятся философом к *мифологии*, устанавливающей правила для игры религиозного языка.

Несмотря на отсутствие чёткого определения понятия «языковая игра» в опубликованных работах Витгенштейна, очевидно, что философ предполагал существование неисчислимого количества языковых игр, регулируемых определённой *формой жизни*. Он утверждал: «Представить какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни» [4, с. 86]. Из этого можно предположить, что религия также представляет собой некую форму жизни, устанавливающую правила для множества языковых игр. Некоторые из предложений в таких играх представляют собой определённые суждения или принципы, которыми руководствуется человек в повседневной жизни. В качестве примера Витгенштейн предлагает такую ситуацию: «Если бы слепой спросил меня: “У тебя две руки?” – то я не взглянул бы на них, чтобы удостовериться. Если бы я хоть сколько-нибудь сомневался в этом, то не знаю, отчего бы я должен был верить своим глазам» [3, с. 339]. Следовательно, предложения религиозного языка вполне могут формировать мировоззрение человека в качестве априорных суждений, которые не характеризуются с точки зрения истинности или ложности приведённого суждения. «Спроси нас кто-нибудь: “Но истинно ли это?” – мы могли бы ответить ему: “Да”; а потребуй он от нас оснований – мы могли бы сказать: “Я не могу дать тебе никаких оснований; узнав побольше, ты придешь к такому же мнению”» [3, с. 348].

Таким образом, Витгенштейн в ходе долгих рассуждений переосмыслил позицию Мура о роли *знания* в доказательстве существования внешнего мира и продемонстрировал значимость *веры* в формировании мировоззрения человека. Именно на основании веры человек изначально обучается различным языковым играм, описывающим его картину мира. Следуя логике размышлений австрийского философа, мы приходим к выводу: если человек убеждён в том, что он что-то *знает*, скорее всего, это означает, что он *верит*, что это действительно так на самом деле. В этом плане картину мира человека нельзя однозначно назвать истинной или ложной – она является фоном, на котором формируются его суждения. При этом убеждения, составляющие картину мира, могут оставаться незыблемыми или меняться в контексте определённых языковых игр. Такая позиция справедлива и для религиозных убеждений – Витгенштейн придерживался практического понимания религии, согласно которому религия представляет собой некую форму жизни, регулирующую правила игр религиозного языка.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии / Л. Витгенштейн / Пер. с англ. В.П. Руднева. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 127 с.
2. *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. / Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994. – С. 407–492.

3. *Витгенштейн Л. О Достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. / Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994. – С. 321–406.*
4. *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. / Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994. – С. 75–320.*
5. *Мур Дж.Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: Избранные тексты. – М., 1993. – С. 66–84.*
6. *Толстой Л.Н. Краткое изложение Евангелия и предисловие к нему / Л.Н. Толстой. 1881. URL: <http://tolstoy.ru/creativity/publicism/780/> (дата обращения: 23.06.2019).*